

**ТРУДЫ
ТОМСКОГО
ОБЛАСТНОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Том XVI

Материалы Межрегиональной
научно-практической конференции
«Шатиловские чтения-2009»
(15–17 июня 2009 г.)

Томск
2010

Н.В. Торощина, И.В. Чернова

**К ИСТОРИИ СЕМЬИ ТЫМСКИХ СЕЛЬКУПОВ
АРНЯНГИНЫХ**

Данной публикацией авторы продолжают рассказ о семьях тымских селькупов, жителей 1-й и 2-й Тымских волостей, входивших в XIX – начале XX в. в приход Тымской Троицкой церкви¹. Главной причиной обращения к столь тщательной проработке разнообразных данных по тымским волостям стала невозможность идентифицировать полные имя, отчество, фамилию, национальность жителей, упоминаемых в официальной переписке, записках путешественников, церковном делопроизводстве и других видах источников. Довольно часто коренные жители Притымья упоминаются под неполными именами, обозначаются как «инородцы», «ясачные», «туземцы» и т.д. За этим названиями бывает весьма трудно разглядеть этническую, социальную, возрастную принадлежность конкретных людей. Внимательное рассмотрение и сопоставление всех имеющихся в наших руках сведений об отдельных людях и семьях, как в случае с Арнянгиными, дает интересные результаты.

Традиционное место проживания семьи Арнянгиных – юрты Калгуяк. Локализация юрт Калгуяк на картах затруднена, поскольку нет источников, содержащих точную информацию о местоположении этих юрт в первой половине XIX в., а во второй половине XIX в., когда появляются подобные источники, возникает несколько населенных пунктов с названием Калгуяк.

Юрты Калгуяк, несомненно, являлись одним из крупных и старейших поселений в Притымье. Они упоминались уже в 1805 г. В них жило тогда 66 человек, что достаточно много по меркам этого региона. Указано и местонахождение юрт «при р. Оби и по нижнюю сторону р. Тым» [2. Л. 13, 25 об.]. Согласно данным В.Я. Нагнибеды, эти юрты называли также Островными: они действительно располагались на острове в месте слияния рр. Оби и Тыма [10. С. 61]. В метрических книгах Тымского прихода зафиксировано несколько фамилий семей, проживающих в юртах Калгуяк: Ольчугины (они же Иралькуповы), Ачангины (они же Качевы и Кычебины), Арнянгины, Ивашкины. Согласно легенде, которую

¹ В настоящее время бывшие 1-я и 2-я Тымские волости составляют северо-восточную часть Каргасокского района Томской области.

приводит Г.И. Пелих, юрты Калгуякские были связаны с именем легендарного богатыря Каглула [12. С. 214–222]. Возможно, что юрты Калгуяк являлись крупным родовым центром, из которого отдельные семьи отселились, осваивая новые территории.

Калгуяк весьма выгодно расположен. Именно здесь, на курье у Высокого яра, находился один из крупных рыбопромышленных песков [3. С. 214–216]. На этом месте впоследствии возникли юрты Пергамаджины: «высокий яр» на селькупском языке звучит как «перга мадзи». В Калгуяке размещался административный центр 2-й Тымской волости. Важность населенного пункта, его близкое расположение к с. Тымскому (около 25 верст) и близость к главному водному пути региона – р. Оби – обусловили прирост населения, в том числе и пришлого.

В 1859 г. в юртах Калгуяк проживало 27 семей: 86 мужчин и 68 женщин – все инородцы [15. С. 30]. Первые крестьянские семьи появились здесь в начале 1890-х гг. В 1897 г. в юртах Калгуяк насчитывалось 17 хозяйств (39 мужчин и 38 женщин, из них русских – 11 мужчин и 9 женщин, остяко-самоедов – 28 мужчин и 29 женщин). Хотя инородцы еще численно преобладали, пришлый элемент составлял уже около трети населения [11. С. 187]. Отмечены межэтнические браки [9. Л. 132, 133 об.].

Разраставшееся население основывало новые деревни и юрты. В 1910–1911 гг. отмечено уже три селения с названием Калгуяк. Это собственно юрты Калгуякские, в которых насчитывалось 4 хозяйства (22 человека), деревня Калгуяк – 16 хозяйств (68 человек), пристань Калгуяк – 3 хозяйства (18 человек), а также Пергамаджи 1 (хозяйство), Висков яр 1-й (бывшие юрты Муголкины, или Михулкины, Никулкины) и Висков яр 2-й, в которых жили уже исключительно крестьянские русские семьи [10. С. 61].

Переписью 1926 г. зафиксированы следующие населенные пункты: деревня Калгуяк – 29 хозяйств (50 мужчин и 69 женщин), деревня Пристань (видимо, бывшая пристань Калгуяк) – 14 хозяйств (24 мужчины и 24 женщины), деревня Старый Калгуяк – 13 хозяйств (31 мужчина и 19 женщин). Во всех этих населенных пунктах, по данным переписи, проживали русские. Остяки были зафиксированы в деревне Зимник, расположенной на обской протоке Миля. Там обитало 12 семей (14 мужчин и 20 женщин) [17. С. 58].

Наплыв мигрантов стал одной из причин разрушения традиционной культуры селькупов, но, тем не менее, в XX в. этнографами фиксировались ее проявления. Особенно интересными являются данные по шаманизму. Так, Е.Д. Прокофьевой опубликованы следующие сведения: «На

р. Тым, в устье Сантельки, в юртах мы познакомились и присутствовали на камлании старого (63 года) опытного шамана Николая Арнянгина. Нам удалось уговорить его провести сеанс камлания. Согласился он неохотно, так как бубен и части его костюма были спрятаны в лесу. Самое удивительное было то, что подсушить у костра свой бубен шаман доверил мне, женщине. Однако все разъяснилось сразу после камлания. Николай Арнянгин принял меня за тазовскую селькупку, поскольку я знала селькупский язык и шаманство, и обратился ко мне со следующими словами: «Ты должна приехать ко мне на следующую весну! Я стал старый, духи меня мучают, я получил их от матери и мне некому их передать. Ты приедешь, я тебе их передам, освобожусь. Если ты не захочешь приехать, он тебя приведет». С этими словами шаман снял с бубна подвеску с изображением человеческой фигуры наподобие якутских изображений амагат и отдал мне, так как хотел свой дар передать женщине». Автор дает описание некоторых вещей из костюма шамана Николая Арнянгина [14. С. 42–43].

Приведенные данные относятся к 1933 г. Но поехать на Тым еще раз Е.Д. Прокофьевой не удалось [14. С. 42–43]. В 1936 г. она передала в Российский этнографический музей коллекцию этнографических предметов с р. Тым. Не исключено, что среди предметов, составивших коллекцию, могут быть и некоторые шаманские атрибуты Н. Арнянгина [4. С. 171–172].

Идентифицировать указанного шамана с кем-то из Арнянгиных, проживавших в Притымье и известных по метрическим книгам, не удалось. Николай Николаевич Арнянгин – житель юрт Калгуяк – умер в феврале 1909 г. [8. Л. 250, 251 об.] и никак не мог встречаться с Е.Д. Прокофьевой. В 1932 г. в списках рыболовецких бригад, прикрепленных к угодьям на р. Чумчелька, зафиксирован Николай Николаевич Аранжин [16. С. 17], но утверждать, что именно он являлся собеседником Е.Д. Прокофьевой, было бы неосновательно.

Наличие шаманов в семье Арнянгиных подтверждается материалами Г.И. Пелих. В дневниках экспедиции 1959 г. на р. Тым исследователем зафиксированы рассказы информантов о шамане Кондратии Арнянгине. Арнянгин Кондратий Гаврилович родился предположительно в 1867 г. и проживал сначала в юртах Калгуяк. Долгое время он был официально не женат, хотя впоследствии признал себя отцом пятерых незаконнорожденных детей ясачной девицы Прясиной из юрт Больших Ларьятской волости Тобольской губернии [8. Л. 238, 239 об., 251–252]. Вероятно, какие-то обстоятельства мешали заключению законного брака. Всего у

Прясиной родилось 12 незаконнорожденных детей, но многие из них умерли в младенчестве.

По не совсем понятным нам причинам в 1919–1920 гг. Кондрат Арнянгин с семьей перебрался в юрты Нёготка [13. Л. 49–50], что, впрочем, не удивительно, ведь юрты Нёготка были населены выходцами из Калгуяка. Примерно в то же время, в начале 1920-х гг., К.Г. Арнянгин женился на Мавре Никифоровне Ундиной, вдове Тихона Ивановича Ундина (урожденной Ильгиной). Мавру Никифоровну, а чаще ее дочь Варвару Тихоновну, урожденную Ундину (в замужестве Мулину), многие жители Притымья называли «царицей Тыма». П.И. Кутафьев связывал это с рассказом о том, что муж Варвары, Дмитрий Мулин, поймал окольцованную белку, которую селькупы восприняли как «царь-белку» и называли самого Мулина царем в знак его избранности как охотника [6. С. 6]. Но, возможно, уважение к этой семье было продиктовано другими обстоятельствами.

Среди жители Нёготки экспедицией П.И. Кутафьева были зафиксированы Мавра Никифоровна и Кондрат Гаврилович Арнянгины. Экспедиционный фотограф И.С. Фатеев сделал несколько их фотографий. Фотографии эти публиковались Я.А. Яковлевым и Н.А. Тучковой и подробно описаны в каталоге этнографических фотографий И.С. Фатеева [5. С. 13–15]. В начале 1940-х гг. супруги М.Н. и К.Г. Арнянгины отмечены в похозяйственных книгах в Нёготке (артель им. Чапаева) [13. Л. 49–50].

В.Т. Мулина и М.Н. Арнянгина, проживавшие в Напасае, были опрошены Г.И. Пелих во время экспедиции 1959 г. К.Г. Арнянгин к тому времени уже умер. М.Н. Арнянгина сообщила, что ее муж обладал шаманским даром: «Он для тебя ворожить будет. Если ты жить будешь. Он скажет... Он мне все рассказал, кто, когда помрет. Он бубном ворожил»¹ [7. Тетрадь 1. Л. 38]. Кроме того, М.Н. Арнянгина рассказала, что ее муж К.Г. Арнянгин точно предвидел и свою собственную смерть. Мавра Никифоровна продемонстрировала также осведомленность в различных старинных обычаях, местах захоронений, запретах, местах проживания тымских семей и др.

Сведения о высоком социальном статусе семьи Арнянгиных подтверждали и другие селькупы, опрошенные Г.И. Пелих. Так, вспоминая о старой администрации края, А.В. Портнягин сообщил: «Князем на Тыму был Мосейка покойный, муж бабушки Арнянгиной, Кондратий. У него

¹ Здесь и далее цитируется по машинописному варианту. Возраст М.Н. Арнянгиной, видимо, записанный Г.И. Пелих с её слов, сильно преувеличен на самом деле, согласно метрическим книгам ей не 106 лет, а чуть больше 80, она 1878 г.р.

така крест ли кака была на груди. Его давали ему еще старшие. Цепочка сверху надевали» [7. Тетрадь 2. Л. 39]. Судя по всему, речь идет о знаке волостного старшины. Вероятно, Г.И. Пелих беседовала с Анатолием Васильевичем Портнягиным несколько раз, в другой тетради есть еще одна запись: «На Тыму был старшиной Орьянгин Кондратий. Был крест на груди. Крест откуда? Наверное, еще старшие давали. Наверное, служил хорошо – давали» [7. Тетрадь 3. Л. 26].

А.В. Портнягин описал внешность Кондратия Арьянгина и его шаманский костюм: «Шаман Кондратий выше среднего роста, сухой. Были всякие куклы на вышке. Бубен прорезанный, как сито. Кругом колокольчики. Во время исполнения обряда бил специальными палочками. Навешаны железки. Обтянут брюшиной, каркас из осинь» [7. Тетрадь 3. Л. 16].

Вопрос о шаманах прояснил также Ф.В. Пычкин: «Много было шаманов, амбарушки, интересно было. Всякий товар вешали. В Кочеедре был шаманом Карлыгин. В Нёготке был один – Кондрат» [7. Тетрадь 3. Л. 29].



Рис. 1. Фото из экспедиционного альбома А.П. Дульзона.
Сидящие женщины слева направо В.Т. Мулина и М.Н. Арьянгина

Брат А.В. Портнягина, Л.В. Портнягин, говоря о шаманах, упоминал Кондратия Арьянгина, вероятно не зная, что того уже нет в живых: «Кондратий старик в Нёготке живет. Мулина старуха в Напасе, это его дочь. Сама старуха его тоже живой». «В Нёготке остяков нет. Все поразъехались. Там жил остяк, у него взяли костюм в Колпашевский музей. Кондрашев» [7. Тетрадь 1. Л. 5, 11]. Вероятно, здесь речь идет о шаманском костюме, но

имя перепутано с фамилией. Информация требует дальнейшего сопоставления с коллекционными материалами Колпашевского музея. Возможно, что рассказчик имел в виду костюм другого тымского шамана – Елисея Карлыгина, который действительно хранится в Колпашевском музее. Далее Л.В. Портнягин сообщил, что «у Мулиных можно спросить о Кондрашке, там живет его старуха» [7. Тетрадь 1. Л. 6].

Некоторые информанты отмечают существование близ Нёготки культового места: «...Пониже Нёготки бугор небольшой, на нем тоже вешали подарки своему хозяину» [7. Тетрадь 2. Л. 20]. Фотографии Варвары Тихоновны Мулиной и Мавры Никифоровны Арнянгиной в Напасе (куда последняя переехала, вероятно, после смерти К.Г. Арнянгина) были сделаны А.П. Дульзоном (рис. 1) [1. Фото 52, 53]. Возможно, в его полевых материалах есть какие-то сведения об этой семье.

Итак, если в научной литературе о Притымые фигурирует шаманская семья Карлыгиных, то представления об Арнянгиных как о шаманской семье не сложились. Информация об Арнянгиных содержится в разрозненных источниках, она обрывочна и не всегда понятна. Но, несомненно, семья Арнянгиных – Кондратий Гаврилович и Мавра Никифоровна – пользовались уважением и оставили след в памяти у селькупов Притымыя. Их высокий социальный статус мог основываться на том, что К.Г. Арнянгин был и представителем административной власти, и шаманом. Видимо не случайно источниками зафиксировано второе название юрт Нёготка – Кондрашкины. Работа с историей этой семьи может быть продолжена, поскольку круг источников далеко не исчерпан.

Источники и литература

1. Альбом. Фотографии селькупов и их жилья из экспедиции 1953 г. на реки Обь и Тым // ГАТО. Ф. р.-1763. Оп. 1. Д. 132.
2. Ведомость, учиненная в Нарымском земском суде, сколько состоит в уезде оного волостей русских и ясашных в них селений и в селениях число ревизских душ и при каких тех селений река значится по сим Государственный архив Томской области // ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1.
3. Зиновьев В.П. Нарымские рыбопромышленные пески / В.П. Зиновьев // Земля Каргасокская: Сб. научно-популярных очерков / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 343 с.
4. Карапетова И.А. Коллекция Российского этнографического музея по селькупам / И.А. Карапетова // V конгресс этнографов и антропологов России. Омск. 9–12 июня 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. С. 171–172.
5. Каталог этнографических фотографий И.С. Фатеева с р. Тыма 1938 и 1940 гг. Из фондов Колпашевского и Томского краеведческого музеев / Авт.-сост. Ю.К. Рассамахин, Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 105 с.

6. Кутафьев П.И. Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому округу за 1938 г. Т. 4 // Архив МАЭС ТГУ. № 116-2.
7. Материалы этнографической экспедиции Г.И. Пелих на р. Обь и Тым в 1959 г. // Архив МАЭС. Д. 420-1.
8. Метрическая книга о рождении, браке и смерти Троицкой церкви с. Тымское Каргасокского района 1888, 1894–1897, 1908–1909, 1913, 1915 гг. // ГАТО. Ф. 527. Метрические книги. Оп. 1. Д. 529.
9. Метрическая книга о рождении, браке и смерти Троицкой церкви с. Тымское Каргасокского района 1893, 1898, 1899, 1912 гг. // ГАТО. Ф. 527. Метрические книги. Оп. 1. Д. 549.
10. Нарымский край: Материалы статистико-экономического исследования 1910–1911 гг., собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Томск, 1927. 175 с.
11. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири: Язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Тюменская губернии // Записки Русского географического общества по отделению статистики. СПб., 1911. Т. 11, вып. 2. 432 с.
12. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (Очерки социально-экономической истории) / Г.И. Пелих. Новосибирск, 1981. 176 с.
13. Похозяйственная книга артели им. Чапаева Тымского района // ГАТО. Ф. р-1338. Оп. 1. Д. 3.
14. Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов / Е.Д. Прокофьева // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 42–70.
15. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел по сведениям 1859 г. Т. 60: Томская губерния / Обработан В. Звиринским. СПб., 1868. 148 с.
16. Список группы рыбаков на весенний сезонный атармачного лова на 1932 г. // ГАТО. Ф. Р-747. Оп. 1. Д. 176. 18 л. Прочтение текста документа крайне затруднено, многие названия, фамилии искажены, возможно, имелась в виду р. Сангелъка.
17. Список населенных мест Сибирского края. Вып. 11, ч. 1: Томский округ. Новосибирск, 1929. 241 с.